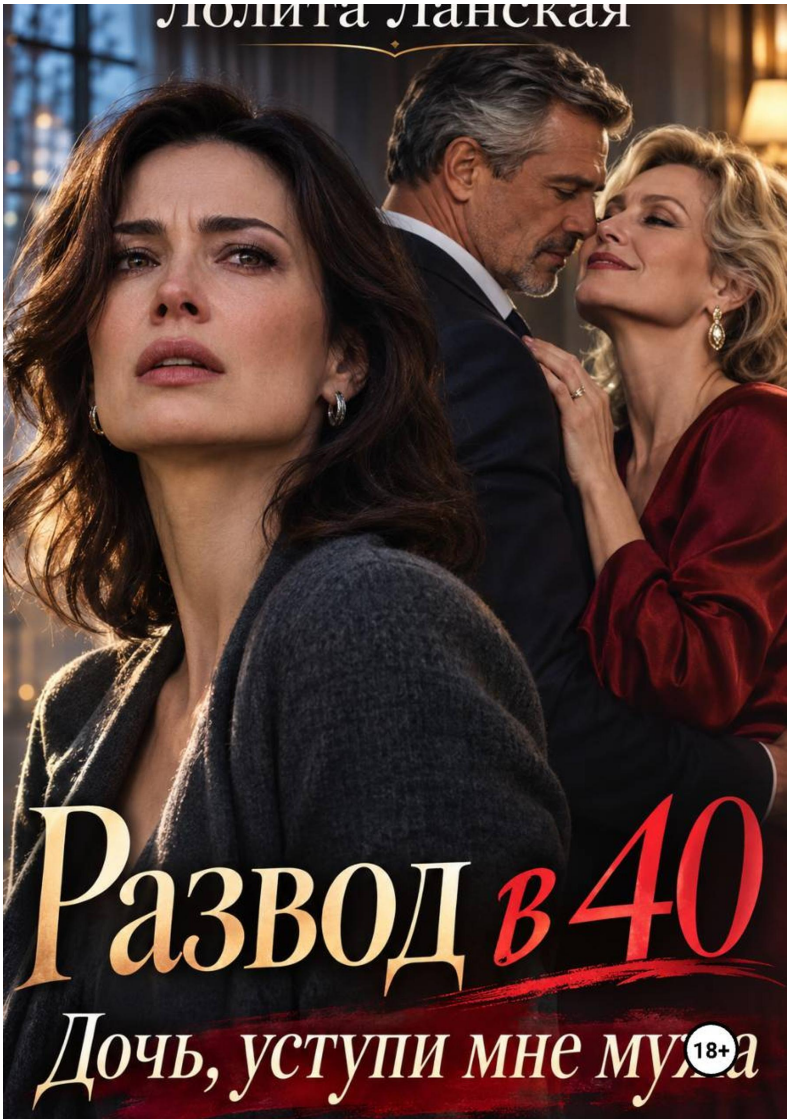
Лолита Ланская

Развод в 40

Дочь, уступи мне мужа

18+

Лолита Ланская

Развод в 40. Дочь, уступи мне мужа

https://litres.ru/74835379
SelfPub; 2026

Аннотация

— Дочка, ты ещё встретишь мужчину. А у меня это последний шанс.

Мне сорок, мужу пятьдесят семь, маме — пятьдесят девять. После её развода я открыла ей двери нашего дома. Покупала платья, оплачивала отдых, ночами утирала слёзы. И радовалась, что Паша тоже старается её поддержать.

Однажды я освободилась раньше, приехала на нашу дачу без предупреждения и увидела, как муж целует мою мать. На ней была кофта, которую я сама посоветовала надеть утром. Но самое страшное началось, когда я открыла дверь.

Мама попросила уступить ей моего мужа. Паша велел не устраивать скандал: у неё слабое сердце. Родственники объяснили, что хорошая дочь должна понять и простить. А потом мне предложили пожить у подруги, чтобы не мешать их счастью.

Я привыкла заботиться о близких. Только теперь они ждут, что я помогу им устроить новую жизнь, пока моя собственная рушится.

Как уйти от мужа, которого всё ещё любишь? И что ответить матери, когда она уверена, что за подаренную тебе жизнь ты обязана отдать ей свою?

Содержание

Содержание 5
Глава 1. В четверг я должна была работать 6
Глава 2. Дочка, ты ещё встретишь мужчину 17
Глава 3. Кому теперь идти домой 29
Глава 4. Маму-то можно понять 47
Конец ознакомительного фрагмента. 60

Лолита Ланская
Развод в 40. Дочь, уступи мне мужа

Содержание

Глава 1. В четверг я должна была работать
Глава 2. Дочка, ты ещё встретишь мужчину
Глава 3. Кому теперь идти домой
Глава 4. Маму-то можно понять
Глава 5. Я ещё помню, каким ты был
Глава 6. То, что я умею
Глава 7. Я ничего не дарю
Глава 8. Мне правда плохо
Глава 9. Не на мои деньги
Глава 10. Можно я не буду удобной?
Глава 11. Ты же всегда меня понимала
Глава 12. Квартира без наших вещей
Глава 13. Когда тебя спрашивают
Глава 14. Ты меня совсем вычеркнула?
Глава 15. Этот четверг – мой

Глава 1. В четверг я должна была работать

– Мариш, а ты сегодня во сколько вернёшься? Опять совсем поздно? – Мама стояла у кухонного окна и пыталась застегнуть браслет, сердито выдыхая всякий раз, когда цепочка соскальзывала с запястья.

Я поставила перед ней чашку, вытерла руки о полотенце и взялась за застёжку.

– У меня последняя встреча в половине восьмого. Пока закончим, пока доеду… Раньше половины десятого не жди. А что, ты хотела куда-нибудь вместе выбраться?

– Да я к Нине собираюсь, мы с ней ещё во вторник договорились. Подумала, вдруг ты сегодня пораньше, а меня дома не будет.

– Мам, ну и езжай спокойно. Я не потеряюсь без горячего ужина, у нас холодильник полный.

Мама повернула руку, разглядывая застёгнутый браслет, потом потянулась к моему плечу.

– Ой, подожди, у тебя тут ниточка торчит. Опять за сумку зацепила?

Она убрала нитку с рукава. На ногтях у неё был свежий розовый лак, от волос пахло маской, которую мы выбирали в прошлую субботу. Мне нравилось, что она снова начала

замечать такие вещи.

В мае, когда я привезла её к нам после развода со вторым мужем, она даже сумку не стала разбирать. Села на кровать в гостевой комнате и попросила выключить верхний свет. На вопрос, будет ли ужинать, ответила, что не знает. Она тогда вообще не могла решить, чего хочет, и плакала даже от предложения выйти погулять.

Когда мама звала меня среди ночи, я шла в её комнату и сидела рядом, пока она в очередной раз рассказывала, как муж начал прятать телефон экраном вниз.

Теперь она красила ногти, спорила с парикмахером и собиралась в гости. Я считала это своей маленькой победой.

– Светлые брюки я из химчистки забрала, пакет в прихожей, – сказала я. – Только сразу вынь, а то потом опять будешь отпаривать складки. И кофту голубую можно с ними надеть, помнишь, мы тебе покупали?

– Помню я свою кофту, господи. Ты меня уже как маленькую собираешь, – мама засмеялась и отпила чай. – А себе когда что-нибудь купишь? Ты всё в этих рубашках да в рубашках.

– Мне в них удобно ползать с рулеткой под чужими столами. В платье клиентам слишком много достанется за одну консультацию.

– Ну вот, опять ты со своими шуточками… Паша, скажи ей хоть ты, что женщина должна иногда о себе думать.

Павел вошёл на кухню, уже застёгивая часы. Волосы после

душа лежали влажными прядями, и я машинально пригладила выбившуюся прядь над его ухом, когда он наклонился меня поцеловать.

– Марина о себе думает, просто у неё это обычно заканчивается новым рабочим креслом, – сказал он и посмотрел на стол. – Кофе ещё остался или мне поставить?

– В турке, только остыл немного. Сейчас подогрею.

– Я сам, ты садись и поешь. Ты ведь опять собираешься завтрак заменить тем, что надкусила на ходу.

Он забрал у меня полотенце и подвинул стул. Шестнадцать лет назад мне было невероятно приятно, что рядом появился мужчина, замечавший, когда я голодна или замёрзла. С тех пор Паша успел дослужиться до генерал-майора и выйти в отставку. Теперь он консультировал в учебном центре, а я в свои сорок всё ещё любила его заботу, хотя иногда спорила из желания самой решить, когда мне надевать шарф.

– Вы к Нине Викторовне во сколько собираетесь? – спросил он у мамы, включая плиту.

– После четырёх, наверное. Не хочу с утра навязываться, у неё свои дела. На автобусе доеду, там от остановки недалеко.

– Давайте я вас отвезу. Мне в пять выезжать, с ребятами встречаемся, как обычно. Всё равно в ту сторону, а вы без пересадок доберётесь.

– Паша, ну зачем тебе из-за меня круг делать?

– Там никакого круга нет. Спокойно соберётесь, и поедем. Только скажите Нине Викторовне, чтобы раньше шести вас

не ждала.

Мама посмотрела на меня, словно спрашивала разрешения, и я кивнула с набитым ртом.

– Вот и договорились, – сказала я, проглотив хлеб. – А то в прошлый раз ты уехала в новых туфлях, а потом три дня пятки лечила.

Павел повернулся к ней:

– Ваши удобные туфли внизу, я вчера коробку на полку убрал. Те, которые с мягкой пяткой.

Я даже не знала, что он различает мамину обувь.

В последнее время он стал внимательнее к ней: привозил любимые фрукты, спрашивал, как спала, сам предложил свозить за очками. Мне было легче работать, зная, что мама не сидит целыми днями одна.

Маме было пятьдесят девять, Паше – пятьдесят семь. Они помнили одни и те же фильмы и дружно возмущались, когда я выбрасывала хорошую коробку. Я радовалась, что им есть о чём поговорить без меня.

На выходе мама сунула мне в сумку яблоко.

– Съешь днём, только не вози до следующей недели. И не сиди там голодная до ночи, ладно?

Я обняла её, чувствуя под ладонью тонкие лопатки.

– Постараюсь. Вы тоже нормально поешьте, прежде чем разъезжаться.

* * *

К одиннадцати я уже успела переделать расположение ро-

зеток в чужой кухне и объясняла заказчику, почему его холодильник нельзя поставить вплотную к стене.

– Но на картинке же стоит, – не сдавался он, увеличивая фотографию на телефоне. – Вот, смотрите. Ничего там сбоку не оставлено.

Я подвинула к нему лист с размерами.

– Смотрите, дверца откроется вот до этого места, а дальше упрётся ручкой в стену. Ящик для овощей вы уже не вытащите. Мы можем сделать по вашей картинке, но пользоваться кухней будете вы, и мне бы не хотелось, чтобы вы ругали меня каждый раз, когда моете холодильник.

Он посмотрел на чертёж, потом на меня и наконец рассмеялся.

– Ладно, убедили. Жена говорит, я сначала должен поспорить, иначе не могу согласиться.

– Тогда хорошо, что мы это выяснили сейчас, а не когда кухню привезли.

На работе я знала, о чём говорю, могла настоять и не чувствовала себя виноватой из-за чужого недовольства. Но с дополнительными правками дело обстояло хуже.

После обеда позвонила заказчица, чей проект мы уже согласовали. Ей хотелось поменять местами духовку и ящики, а заодно посмотреть кухню в другом цвете.

– Марина, это ведь недолго? Мне буквально два варианта увидеть, я сразу выберу.

Я посмотрела на список дел, где до сих пор не были за-

чёркнуты три вчерашних пункта.

– Пришлите, пожалуйста, какой цвет вам нравится. Я попробую сегодня посмотреть, только обещать, что успею до вечера, не буду.

Когда я положила трубку, Жанна подняла голову из-за соседнего стола.

– А почему сегодня? Мы ей уже всё утвердили, она сама подпись поставила. У тебя что, лишние часы появились?

– Ну там, может быть, действительно быстро. Я сначала посмотрю, что она пришлёт.

– Конечно. А потом окажется, что к новому цвету нужна другая столешница, а к столешнице – ещё одна жизнь, в которой мы обе не спим.

Я засмеялась и потянулась за яблоком, но Жанна поставила передо мной контейнер с запеканкой.

– Давай сначала нормально поедим, а потом будем чужие кухни перекрашивать. Я себе слишком много взяла, помогай.

Я отломила кусочек и только тут поняла, насколько голодна. Несколько минут ела, глядя в окно и позволяя себе не отвечать на сообщения.

Телефон зазвонил без четверти пять. На экране высветилось имя клиентки, записанной на половину восьмого.

– Марина, здравствуйте. Мне ужасно неудобно, но мы сегодня не приедем. Муж задерживается в другом городе, а без него я точно ничего не выберу. Можно на следующую неде-

лю перенести?

Я открыла запись и предложила вторник. Мы согласовали время, попрощались, и я ещё несколько секунд смотрела на освободившуюся строчку.

У меня вдруг освободился вечер: не нужно было ждать до половины восьмого и торопливо ужинать за рабочим столом. Мама собиралась к Нине, Паша – к друзьям, и дома от меня тоже ничего не требовалось.

– Ну что, можно тебя поздравить со свободным вечером? – Жанна вопросительно приподняла бровь.

– На вторник перенесли. Получается, я могу сегодня нормально уйти.

– Даже не думай сейчас открывать ту кухню, где им внезапно всё надо перекрасить. Завтра займёшься.

Я уже подвела курсор к папке с проектом и убрала руку с мышки.

– Я, наверное, на дачу съезжу. Там две гортензии стоят в горшках, всё собираюсь место им выбрать. И просто посижу немного, пока ещё светло.

– Съезди. Только, пожалуйста, не окажись к ночи посреди огорода с лопатой и мыслью, что заодно неплохо бы вскопать соседний участок.

– У нас там даже огорода нет, Жанна! Я просто чаю попью и поеду домой, честное слово.

* * *

Я закончила письмо поставщику, проверила размеры ещё

в одном проекте и в половине шестого вышла из студии. На улице было тепло, но в тени уже чувствовалась сентябрьская прохлада.

Обычно на свободный вечер сразу находилось полезное дело: купить продукты, забрать заказ. Теперь я ехала туда, куда хотелось мне.

В пекарне у выезда из города я взяла булочку с творогом. Продавщица предложила кофе, но на даче оставался чай с чабрецом, и я уже представляла, как заварю его в бабушкином пузатом чайнике.

Дача досталась мне от папиной мамы. Мы сменили проводку, утеплили комнату, сделали удобную кухню, но веранду я оставила почти такой, какой помнила с детства. Любила её широкие подоконники, скрипучий пол и возможность открыть окна с двух сторон, чтобы в жаркий день получался сквозняк.

В прошлые выходные мы приезжали втроём. В воскресенье утром я жарила сырники и сердилась на себя, что опять взялась за готовку: на кухне было душно, а вместо отдыха снова получилось что-то обязательное. После завтрака я разбирала шкаф, мама сидела с журналом, Паша чинил калитку.

Сегодня я могла просто сесть на веранде и ничего не делать.

На светофоре я открыла переписку с Пашей. Подумала написать, что еду за город, но загорелся зелёный, сзади посигналили, и я убрала телефон в отделение между сиденьями.

У поворота к посёлку продавали яблоки прямо из багажника. Я проехала мимо, вспомнив мамино яблоко, так и оставшееся в сумке. До дома было уже недалеко.

Я опустила стекло. Пахло пылью и дымом, где-то жгли собранную траву. Обычно по четвергам в это время я двигала на экране шкафчики и обещала уточнить срок поставки. Сейчас ехала по узкой улице, объезжая выбоины, и думала, что надо почаще позволять себе такие вечера.

Пашину машину я увидела издалека: она стояла у наших ворот, чуть заехав правыми колёсами на траву. Я притормозила, заметив знакомую царапину на бампере. Зимой я задела столбик у магазина, и Паша так и не собрался отдать машину в ремонт.

Наверное, встречу с ребятами тоже отменили. Или они решили собраться здесь, а он забыл предупредить. Я даже улыбнулась, представив, как мы сейчас удивимся друг другу: оба вырвались пораньше, оба приехали в один и тот же дом.

Поставила машину сзади, убрала телефон в сумку и взяла пакет из пекарни. Калитка поддалась легко – Паша всё-таки хорошо её починил. Я прикрыла её, чтобы не хлопнула, и пошла вдоль дома.

На верёвке висело наше кухонное полотенце. Под окном стояли горшки с гортензиями, земля в них была тёмная, недавно политая. Из веранды донёсся мамин смех, и я остановилась на дорожке.

Сначала подумала, что Нина тоже приехала. Может быть,

они все здесь, а я сейчас войду со своей единственной булочкой и придётся резать её на четверых.

– Паша, ну перестань, я сейчас чай пролью… – сказала мама и снова засмеялась, совсем негромко.

Я уже хотела окликнуть их, но подошла к открытому окну и увидела, как муж наклонился к ней.

Мама сидела у стола в голубой кофте, которую я утром советовала надеть. Павел стоял рядом, положив ладонь ей на затылок. Он поцеловал её в губы, и она, не выпуская чашки из одной руки, другой ухватилась за его рубашку и притянула ближе.

Я смотрела на её пальцы с розовым лаком, на тонкую цепочку вокруг запястья, которую сама застегнула несколько часов назад. Мне почему-то казалось, что нужно отвести глаза, что я увидела чужое, неприличное и сейчас они заметят, как я подглядываю.

Потом Павел выпрямился, провёл большим пальцем по маминой щеке и что-то сказал. Я не разобрала слов. Слышала голос, знакомый до последней интонации, но не могла понять, о чём он говорит.

Пакет из пекарни зашуршал у меня в руке. Я посмотрела вниз: булочка смялась под пальцами, через тонкую бумагу проступило жирное пятно. Попыталась ослабить хватку и не сразу смогла.

Между ними стоял бабушкин чайник, в котором я собиралась заварить себе чай. Мама пила из белой чашки с си-

ней полосой, той самой, которую всегда выбирал Паша. На спинке второго стула лежал его пиджак.

Я никак не могла соединить увиденное с тем, что знала о собственной семье ещё минуту назад.

Мне захотелось позвонить Жанне, просто услышать её голос, прежде чем придётся войти. Я нащупала телефон через ткань сумки, но вынимать его не стала.

За окном мама поправила волосы. Павел потянулся к чайнику и посмотрел на неё так, как утром смотрел на меня, когда пододвигал стул.

Я обошла угол веранды, поднялась по трём ступенькам и взялась за дверную ручку. Она была тёплая от солнца. Дверь чуть зацепилась за порог, как всегда, и пришлось потянуть сильнее.

Павел поднял голову первым. Его рука с чайником остановилась над чашкой.

Мама сидела ко мне спиной и продолжала говорить:

– Паш, я тебя ещё хотела спросить… Давай в следующий четверг пораньше сюда приедем? Здесь так хорошо, а дома я всё время…

Он смотрел на меня поверх её головы, а мама ещё улыбалась, не понимая, почему он перестал наливать чай.

Глава 2. Дочка, ты ещё встретишь мужчину

Мама повернулась не сразу. Сначала посмотрела на Пашу, потом проследила за его взглядом, и улыбка у неё пропала. Она приподнялась со стула, задела коленом стол, отчего ложечка в чашке тонко звякнула.

– Мариш, ты уже приехала? А мы думали, ты сегодня до позднего вечера работаешь… – Она поправила кофту на груди и взглянула на Павла. – Что-то случилось у тебя?

У меня отменили встречу, я купила булочку и приехала попить чаю. Я знала, что нужно ответить, но почему-то не могла сразу заговорить.

– Встречу перенесли на вторник. Я решила на дачу съездить, – проговорила я, всё ещё держась за дверную ручку. – А ты почему не у Нины?

Мама открыла рот, но Павел осторожно поставил чайник на подставку.

– Марина, проходи и садись. Не будем разговаривать через всю веранду, давай спокойно…

– Я видела, как ты её целовал. В окно видела, пока сюда шла. Ты меня слышишь, Паша?

Он провёл ладонью по подбородку и посмотрел в сторону открытого окна.

– Я тебя слышу и не собираюсь убеждать, что ты что-то не так поняла. Но сядь, пожалуйста, здесь есть стул.

Я осталась у двери. Положила пакет с булочкой на подоконник, потому что бумага шуршала от любого движения пальцев и почему-то мешала мне думать.

– Мам, ты можешь мне объяснить, что происходит? Только ты, пожалуйста. Не надо на него смотреть, я у тебя спрашиваю.

Она шагнула ко мне, вытянув руки.

– Доченька, ну не надо так… Дай я хотя бы тебя обниму, ты совсем белая.

Я отступила, ударившись локтем о косяк. Мама остановилась, прижав ладони к животу.

– Я не могу сейчас, – сказала я. – Не трогай меня, пожалуйста. Я пока не понимаю, что мне… Вы давно здесь? Нет, я не об этом. Давно у вас это?

Нужно было назвать происходящее как-то иначе, но слова не находились.

– Мариш, это ведь не сразу получилось, – начала мама. – Мы сначала просто разговаривали. Ты же знаешь, в каком я состоянии была, я вообще ни с кем общаться не хотела. А Паша…

– Примерно два месяца, – сказал Павел. – Давай не будем сейчас уходить от прямого вопроса.

В августе мама уже перестала плакать по вечерам. Я решила, что помог отдых, радовалась, когда она вертелась пе-

ред зеркалом, примеряя новое платье.

– То есть летом уже было? Когда мы сюда вместе приезжали? – Я перевела взгляд с Павла на маму. – В прошлое воскресенье, когда мы завтракали, вы уже…

Я не смогла закончить. Перед глазами стояло, как мама попросила ещё один сырник, а Паша сказал, что я опять приготовила на целую роту. Я тогда рассмеялась и пошла за сметаной.

– Ты спишь с моей матерью? – спросила я, наконец посмотрев мужу в глаза. – Паша, ответь мне, пожалуйста. Я всё видела, но мне нужно, чтобы ты сам это сказал.

– У нас с Ларисой отношения. Я понимаю, как это для тебя выглядит, и не пытаюсь отказываться от того, что произошло.

– Как выглядит? А как это на самом деле, Паш? Может быть, я чего-то важного не знаю?

– Марина, я не это имел в виду. Сейчас любое слово можно повернуть так, что станет только хуже.

– Я не поворачиваю твои слова! Я спрашиваю, что происходит в моей жизни, пока я на работе!

От собственного крика я вздрогнула. Мама опустила глаза, и мне на мгновение стало стыдно: я ведь никогда не разговаривала с ней таким голосом.

Потом я увидела, как Павел коснулся её локтя.

Он так придерживал меня, когда мы выходили из театра или пробирались между столиками в ресторане. Теперь ма-

ма придвинулась к нему, и я перестала понимать, куда мне смотреть.

– По четвергам, да? – спросила я. – Ты ведь каждый четверг с ребятами встречался. Рассказывал потом, как у кого дела, что там у твоего Юры на даче…

– Иногда я действительно с ними встречался. Не нужно сейчас считать, что я врал тебе в каждом разговоре.

– А в каких не врал? Ты можешь мне сказать, чтобы я хотя бы знала, что вспоминать?

Он выдохнул и отодвинул от края стола чашку. Мама быстро заговорила, будто воспользовалась его молчанием:

– Мы не хотели, чтобы тебе было больно. Я столько раз собиралась это прекратить, ты даже не представляешь! Говорила себе, что больше не поеду, что нельзя… А потом сидела дома и всё равно ждала, когда он вернётся.

– Я тоже его ждала, мам. Только я думала, что жду своего мужа с работы или от друзей. И тебя ждала от Нины, спрашивала, как вы посидели. Ты мне что-то отвечала, помнишь?

– Ну а что я должна была сказать? – Мама вскинула голову и тут же осеклась. – Я не в том смысле, Мариш… Господи, я сейчас вообще не знаю, как с тобой разговаривать.

– Тогда объясни, зачем ты утром спрашивала, во сколько я вернусь? Ты правда беспокоилась, что меня некому будет накормить?

Она отвела глаза, а я вспомнила яблоко у себя в сумке. Мама сама выбрала его из вазы и велела обязательно съесть.

Меня замутило, и я прижала ладонь ко рту.

Павел налил чай в чистую чашку и поставил на свободное место.

– Выпей немного и сядь. Я понимаю, что ты потрясена, но разговор у нас тяжёлый, и лучше хотя бы не стоять всё это время.

– Ты можешь перестать меня усаживать? – Я посмотрела на него, чувствуя, что сейчас расплачусь. – Ты всё время объясняешь, как мне удобнее. А я не хочу здесь сидеть, понимаешь? Я здесь сидела с вами в воскресенье, мне пока достаточно.

Он убрал руку от чашки.

Мама села на прежнее место, промокнула губы салфеткой и стала складывать её пополам, пряча след помады.

– Мариш, я ведь не собиралась у тебя ничего забирать, – сказала она тише. – Когда я к вам переехала, у меня даже мыслей таких не было. Ты не думай, что я специально… что всё это время притворялась.

– А потом ты решила, что уже можно? Мам, я не понимаю, как ты после этого со мной разговаривала.

– Ну зачем ты так? Я же пытаюсь объяснить, как это произошло, а ты даже слушать не хочешь…

– Я знаю, что тебе было плохо. Я рядом с тобой сидела, когда ты плакала из-за его телефона. Ты говорила, что хуже всего не сама другая женщина, а то, как он смотрел тебе в глаза и врал. Помнишь, мам? Ты мне это говорила, не ко-

му-нибудь!

Она сжала салфетку и заплакала. Подбородок у неё задрожал, и я невольно шагнула ближе, прежде чем остановилась.

– Я помню, – сказала она, вытирая щёки. – Думаешь, мне от этого легче? Я сама себя не узнавала, мне стыдно было перед тобой. Но я тоже живой человек, Марина. Я столько лет прожила с мужчиной, которому в конце концов стало всё равно, есть я рядом или нет. А тут меня спрашивали, чего я хочу, как я себя чувствую…

– Я каждый день спрашивала тебя, как ты себя чувствуешь. И правда хотела, чтобы тебе стало лучше, мам.

– Это другое, ну что ты сравниваешь! Ты моя дочь, а я говорю о мужчине. О том, что на меня ещё могут смотреть, что со мной хотят быть, а не просто жалеют.

Она сказала это почти сердито и посмотрела на Павла. Интересно, что она ему обо мне рассказывала, пока они пили здесь чай? Спросить я не смогла: было страшно услышать ответ.

– Дочка, ты ещё встретишь мужчину. А у меня это последний шанс, – произнесла мама, глядя мне в лицо. – Ты красивая, у тебя работа, ты с людьми каждый день общаешься. У тебя ещё столько всего впереди… А мне куда? Опять одной сидеть и делать вид, что мне никто не нужен?

– Мам, у меня уже есть муж. Вот он стоит. Мы шестнадцать лет вместе, у нас дома его вещи рядом с моими лежат. Я сегодня утром собиралась вернуться к нему вечером. Ты

понимаешь, что ты мне сейчас предлагаешь?

– Я понимаю, как тебе больно. Но ведь если так случилось, разве можно заставить человека…

– Паша, ты собираешься от меня уйти? – перебила я, повернувшись к нему. – Скажи сам, пожалуйста. Не надо, чтобы мама мне это объясняла.

Он посмотрел на Ларису, потом снова на меня.

– Я не хочу принимать решения в таком состоянии. Нам всем нужно время, чтобы понять, как жить дальше и не сделать ещё хуже.

Мама резко выпрямилась.

– Павел, ну мы же с тобой говорили! Ты мне объяснял совсем другое, ты ведь…

– Лара, пожалуйста, дай мне договорить. Я сейчас разговариваю с Мариной и хочу, чтобы она меня услышала.

Утром он говорил ей «вы» и предлагал подвезти к сестре. Теперь она замолчала, когда он назвал её Ларой, и я вспомнила, как внимательно слушала за завтраком их вежливый разговор. Даже обрадовалась, что муж так хорошо относится к моей матери.

Я прижала пальцы к глазам, но слёзы всё равно потекли, и пришлось отвернуться к окну.

– Не надо меня жалеть, – сказала я, когда мама опять поднялась. – Я прошу тебя, останься на месте. Я сейчас не выдержу, если ты начнёшь меня утешать.

– А что мне делать? Стоять и смотреть, как ты мучаешься?

– Голос у неё сорвался. – Ты думаешь, мне хорошо? Я бы тоже хотела, чтобы всё было иначе!

– Так зачем вы продолжали? Один раз приехали, потом второй… Вы же каждый раз сами сюда ехали, никто вас не заставлял!

– Потому что я его люблю! – Мама вскинула руки и тут же опустила. – Господи, ну что ты ещё хочешь услышать? Да, люблю, и мне страшно его потерять. Я не могу опять остаться ни с чем, Марина, просто не могу!

Я вытерла лицо рукавом. Салфетки лежали рядом с мамой, и тянуться через стол мне не хотелось.

– А я, значит, могу? Ты правда так думаешь или просто очень хочешь, чтобы я согласилась?

Она тяжело села, придерживаясь за край стола.

– Я ради тебя молодость положила, – проговорила она, глядя на свои руки. – Мне девятнадцать было, когда ты родилась. Я ведь тоже чего-то хотела, о чём-то мечтала, но сначала всегда думала, как тебе будет лучше. Неужели теперь я не имею права пожить для себя?

Я слышала это раньше, когда не могла приехать на выходные или выбирала отпуск не там, куда хотела мама. Сейчас тоже почувствовала, что должна объяснить, как люблю её и за всё благодарна.

– Мам, я же тебя к себе забрала. Я старалась, чтобы тебе легче стало… Я не понимаю, чего тебе от меня ещё надо.

– Я не про деньги и не про вещи! – Она прижала ладонь

к груди и втянула воздух. – Мне не платье нужно, Марина. Мне нужно, чтобы ты хоть раз попробовала меня понять, а не только решила, как будет правильно.

– Так я пытаюсь понять! Я стою здесь и спрашиваю, а ты мне объясняешь, почему я должна остаться без мужа!

– Марина, прекрати повышать голос, – произнёс Павел. Он подошёл к маме и наклонился к её лицу. – Ларис, посмотри на меня. Тебе плохо?

Она кивнула, закрыв глаза.

Я сразу посмотрела на её губы, потом на руки. Уже не раз видела, как она пугалась собственного сердцебиения и просила открыть окно, и сейчас тоже испугалась за неё.

– Воды ей принеси, пожалуйста, – сказал Павел. – И не надо сейчас продолжать. У неё слабое сердце, ты прекрасно это знаешь.

Я пошла на кухню, открыла шкафчик и взяла стакан. Первый попался со сколом, я поставила его обратно и достала другой. Налила воду из фильтра, придерживая стакан двумя руками, чтобы не расплескать.

Когда вернулась, мама сидела, расстегнув верхнюю пуговицу кофты. Павел придерживал её за плечо. Я подала воду и привычно сказала:

– Не торопись, мам, подержи сначала. Тебе врача вызвать? Скажи, что ты чувствуешь.

– Не надо врача, сейчас отпустит, – ответила она, сделав маленький глоток. – Я просто переволновалась. Посиди со

мной немножко, пожалуйста.

Я уже взялась за стул.

Павел отступил, освобождая мне место, и именно от этого движения я остановилась. Он явно ожидал, что я сяду рядом, возьму маму за руку и дождусь, пока она успокоится. А потом мы сможем продолжить разговор – уже тихо, чтобы её не расстраивать.

– Паша, ты посиди. Я здесь, никуда не делась, но рядом с ней сейчас сесть не могу.

Он посмотрел на меня с недовольством.

– Не нужно делать из этого принципиальный вопрос. Ты видишь, ей нехорошо, сейчас не время выяснять, кто должен…

– Я воду принесла! Врача предложила вызвать! – Я снова повысила голос и тут же посмотрела на маму. – Прости, я не могу тише. У меня не получается, Паш. Я не умею вот так сразу успокоиться, потому что тебе это сейчас нужно.

Он замолчал, а я отошла к окну. Сосед за забором заводил газонокосилку, безуспешно дёргая шнур. Я подумала, что он сейчас увидит меня и помашет рукой, а я не смогу даже улыбнуться в ответ.

За спиной мама допила воду и поставила стакан на стол.

– Мариш, ну не уходи так далеко. Я же с тобой разговариваю.

Между нами было метра три. Я повернулась и увидела, как она вытирает глаза, размазывая тушь. Машинально по-

искала взглядом влажные салфетки, но они лежали у меня в машине.

– Может быть, нам действительно сейчас лучше остановиться, – сказала она. – Не будем друг друга мучить. Ты домой поедешь?

Я кивнула, хотя ещё минуту назад ни о чём не решила. Потом представила нашу кухню, мамину расчёску в ванной, Пашину сторону кровати.

– А вы куда собираетесь? – спросила я. – Вы ведь тоже домой поедете, правильно? Как мы там будем?

– Я думаю, сегодня лучше побыть отдельно, – ответил Павел. – Всем успокоиться, а потом вернуться к разговору.

Мама встревоженно посмотрела на него, потом на меня.

– Мариш, а может, тебе пока у Жанны побыть? Несколько дней, совсем недолго. Она тебя хорошо понимает, ты с ней поговоришь, поплачешь… Здесь ты на нас обоих смотришь, и тебе только хуже. А я сейчас даже не знаю, куда мне в таком состоянии.

Я ждала, что Павел возразит. Скажет, что это мой дом и мне не нужно искать, где переночевать. Но он молчал, глядя на стол.

– У тебя же всё с собой, телефон, машина, – продолжила мама осторожнее. – А за вещами можно завтра приехать. Я соберу, что скажешь, чтобы тебе лишний раз не…

Она не договорила, увидев моё лицо.

Я стояла возле окна на веранде бабушкиного дома и слу-

шала, как мама предлагает собрать мне одежду. Ещё час назад я собиралась провести здесь спокойный вечер, а теперь они ждали, когда я решу, удобно ли мне пожить у подруги. Вопрос о том, почему уехать должна именно я, никто из них даже не задал.

Глава 3. Кому теперь идти домой

– Я домой поеду, мам. Ничего мне собирать не надо, пожалуйста, я сама возьму, что понадобится.

Мама приоткрыла рот, собираясь что-то сказать, но я уже потянулась за сумкой. Ремень зацепился за ручку двери, и пришлось остановиться, высвобождать его, пока оба на меня смотрели.

Павел сделал шаг ко мне.

– Давай я тебя отвезу. Ты сейчас расстроена, тебе не стоит садиться за руль, а машину потом заберём.

Я посмотрела на маму. Она сидела, прижав к груди скомканную салфетку, и ждала моего ответа. Если бы я согласилась, ей пришлось бы остаться здесь одной. Наверное, ещё утром я подумала бы об этом первой.

– Я немного посижу в машине и поеду, когда смогу. Не надо меня провожать, Паш. Я сейчас не могу рядом с тобой находиться.

Он остановился, а я забрала с подоконника пакет из пекарни. Зачем мне понадобилась эта раздавленная булочка, я бы не объяснила. Просто увидела свою вещь и взяла.

В машине я сначала открыла окно, потом снова закрыла. Было душно, хотя воздух с улицы шёл прохладный. Я положила ладони на руль и долго смотрела на калитку, ожидая, что кто-нибудь всё-таки выйдет.

Мама не могла просто остаться там. За шестнадцать лет моего брака она столько раз говорила, что я должна беречь себя, что ни один мужчина не стоит моих слёз. Когда мы с Пашей ссорились, она всегда предлагала приехать и поговорить.

Теперь она сидела с ним на веранде, а я ждала возле ворот, пока перестану плакать и смогу ехать.

За всю дорогу я ни разу не включила радио. Только у светофора протёрла лобовое стекло изнутри рукавом, хотя мутным оно казалось вовсе не из-за грязи.

* * *

Дома пахло курицей, которую я приготовила вчера вечером.

Я закрыла дверь, поставила сумку на пуфик и по привычке заглянула в кухню. На столе стояла мамина утренняя чашка, возле хлебницы лежал нож с подсохшими крошками. Паша перед уходом приоткрыл окно, и край занавески цеплялся за лист фикуса.

Я взяла мамину чашку со стола, сполоснула её и только потом заметила, что всё ещё в туфлях.

Ноги болели. Я разулась, провела пальцем по красной полосе на пятке и вдруг вспомнила, как утром напоминала маме про удобную обувь. Села на край стула и посмотрела на нож у хлебницы.

Мне хотелось кому-нибудь рассказать, что случилось, но я не знала, с каких слов начать.

«Мой муж изменяет мне с моей матерью».

Я попробовала произнести это вслух, едва шевеля губами, и не смогла договорить. До слова «матерью» не дошла. Будто, пока я не сказала, оставалась возможность объяснить увиденное иначе.

Телефон лежал в сумке. Я достала его, открыла переписку с Пашей и увидела вчерашнее сообщение: «Купи, пожалуйста, хлеб, я сегодня не успею».

Под ним была моя фотография двух батонов и вопрос, какой брать.

Я долго смотрела на этот разговор. Вчера я стояла у магазинной полки и ждала ответа человека, который уже два месяца ездил с моей мамой на дачу.

Пальцы плохо попадали по буквам.

«Зачем ты целовал меня утром? Ты уже знал, что вечером поедешь с ней? Когда ты предлагал отвезти её к Нине, вы оба надо мной смеялись? Я не понимаю, как ты мог со мной жить и всё это время…»

Я остановилась, перечитала и дописала:

«Скажи, что ты хотя бы меня любил».

От этих слов стало совсем стыдно. Не потому, что я не хотела знать ответ. Хотела, ещё как. Но я уже представляла, как он прочитает сообщение возле мамы, опустит телефон и скажет ей, что мне сейчас тяжело и нужно дать время.

Я выделила текст и удалила.

Потом открыла снова, словно могла найти там другой раз-

говор.

В спальне лежала Пашина рубашка. Он снял её вчера и аккуратно перекинул через спинку стула: говорил, что ещё наденет, она совершенно чистая. На тумбочке возле его стороны кровати горел маленький огонёк зарядного устройства.

Я всегда ворчала, когда он оставлял провод на полу. Подняла его и уложила на тумбочку, прежде чем успела подумать, зачем это делаю.

На нашей кровати была светлая простыня, которую я перестелила в воскресенье. Утром я лежала здесь, пока Паша принимал душ, и думала, что хорошо бы зимой выбраться куда-нибудь вдвоём. Без рабочих звонков, без маминого телевизора за стеной, без необходимости заранее готовить еду на несколько дней.

Я подошла к шкафу, открыла дверцу и сразу закрыла: даже не знала, что ищу.

В ванной возле моей расчёски лежала мамина круглая щётка для укладки. В щетине застряли два светлых волоска. Я машинально потянулась снять их, но отдёрнула руку и отвернулась к раковине.

Меня тошнило от голода. За день я съела только Жаннину запеканку и кусочек хлеба за завтраком, а купленная булочка осталась в машине.

Я выложила на тарелку курицу с рисом, поставила в микроволновку и ждала, опираясь лбом на дверцу кухонного шкафа. Когда раздался сигнал, вздрогнула так, что ударилась

о ручку.

Рис оказался горячим, мясо внутри ещё холодным. Я пожевала, с трудом проглотила и отодвинула тарелку. На столе остался след от маминой чашки. Я смотрела на него, пока не зазвонил телефон.

На экране было написано: «Мама».

Я ответила почти сразу.

– Мариш, ты доехала? Я тут места себе не нахожу, ты хоть бы написала, что всё нормально, – сказала она тревожно.

– Я дома, мам. Доехала.

– Ну слава богу… Я уже хотела Пашу попросить тебе позвонить. Ты там поела что-нибудь?

Я посмотрела на тарелку.

– Ты зачем звонишь? Что-то случилось?

Она помолчала, и я услышала, как на другом конце скрипнул стул.

– Мы думаем здесь пока остаться. Я что-то совсем устала, мне бы лечь пораньше… Только я свою маленькую сумку забыла, там очки и всё на ночь. Посмотри, пожалуйста, она в комнате, возле комода должна быть.

Я уже встала.

В гостевой комнате пахло маминими духами. На кровати лежали брюки из химчистки, так и не вынутые из пакета. Я переступила через её тапочки, наклонилась и достала из-под стула небольшую тканевую сумку.

– Нашла. Она под стулом была.

– Там ещё зарядка белая, проверь, пожалуйста. И косметичка с таблетками, я её утром переложила… Ой, я ведь даже не подумала, что задержусь. Ты не могла бы мне всё это привезти? Заодно кардиган прихвати, здесь к вечеру холодно.

Я открыла сумку. Увидела очечник, провод, знакомую косметичку на молнии. Уже подняла глаза на вешалку, где висел мамин кардиган.

– Сейчас я…

Слова вырвались сами. Я даже успела подумать, что лучше поехать другой дорогой: на выезде из города могли быть пробки.

Потом посмотрела на сумку у себя в руках.

Мне предлагали снова сесть в машину, вернуться к ним и передать мамины вещи. Возможно, зайти на минутку, проверить, не холодно ли ей. Паша принял бы сумку, поблагодарил и сказал ехать осторожнее.

– Мам, я не привезу. Я не могу ещё раз туда ехать.

– Мариш, ну я же не специально забыла. Мне без очков даже в телефоне ничего не видно, а Паша не хочет меня одну оставлять.

– Тогда приезжайте вместе. Или пусть он приедет, а ты полежишь, пока его нет. Если тебе плохо, вызывайте врача, я же предлагала. Только я больше сегодня за руль не сяду.

Мама тихо вздохнула.

– Я поняла. Не надо так со мной разговаривать, я просто

попросила.

Я закрыла глаза.

– Прости, я не хотела грубо. У меня просто…

Я чуть не начала объяснять, почему у меня есть причина говорить именно таким голосом. Стояла посреди маминой комнаты с её вещами и подбирала слова, чтобы она не обиделась.

– Сумка будет в прихожей, – сказала я. – Я всё туда положу.

После разговора я ещё несколько секунд держала телефон у уха.

Кардиган всё-таки сняла с вешалки и уложила сверху.

* * *

Паша открыл дверь своим ключом, когда я сидела на кухне и пыталась понять, кому можно позвонить в такой час.

Я слышала, как он придержал дверь, как мама попросила подождать, потому что зацепилась каблуком за коврик. Потом они вошли в прихожую.

– Марина, мы вернулись, – сказал он. – Лариса не захотела оставаться на даче одна и поехала со мной.

Я вышла из кухни.

Мама снимала туфли, держась за его предплечье. Он стоял неподвижно, дожидаясь, пока она разуется, и только потом забрал у неё сумочку.

Они часто так приходили из магазина или с прогулки. Я видела это много раз и никогда не думала, что между ними

может быть что-то ещё.

– Я твою сумку приготовила, – сказала я маме, хотя она стояла прямо возле неё.

– Да, я вижу. Спасибо, Мариш.

Она подняла на меня глаза, осторожно улыбнулась. В ванной у неё была тушь, в гостевой – чистая пижама, на кухне – ужин. Она вернулась туда, где всё для неё было устроено.

А я не понимала, в какой комнате мне теперь находиться.

Паша снял куртку, повесил на привычный крючок и подошёл ближе.

– Давай договоримся на сегодняшний вечер. Я постелю себе в гостиной, ты спокойно ляжешь в спальне. Никто не будет тебя трогать, мы все устали и сейчас уже ничего полезного не обсудим.

– А завтра как мы будем? Завтракать вместе?

Он чуть нахмурился.

– Я говорю про сегодня. Не нужно пытаться решить всё сразу, у нас и без этого достаточно сложная ситуация.

– Я не могу здесь лечь спать, Паш. Я только что в спальню заходила, я даже сесть на кровать не смогла.

Мама шагнула к нам, прижимая сумочку к животу.

– Может быть, я уйду к себе, а вы поговорите? Я не буду мешать, дверь закрою…

Я посмотрела на неё.

Она, кажется, сама поняла, как это прозвучало. Щёки у неё покраснели, и она отвернулась к зеркалу, хотя смотреть-

ся ей было незачем.

– Мне нужно позвонить, – сказала я и вернулась на кухню.

Жанна ответила не сразу. Я успела испугаться, что она уже спит, хотя до ночи было ещё далеко.

– Марин, ты где? На даче осталась или домой добралась?

– Я дома. Жанн, можно я у тебя сегодня переночую? Я потом всё объясню, просто сейчас не очень могу говорить.

– Конечно, приезжай. Что случилось, с мамой что-то?

Я опёрлась ладонью о стол, чувствуя, как снова начинают течь слёзы.

– Нет… То есть да, но не так, как ты думаешь. Я приеду и расскажу. Только мне вещи собрать надо.

Жанна заговорила совсем другим голосом:

– Ты на машине не езжай. Закажи такси, а когда будешь внизу, позвони, я выйду. Слышишь меня? Не торопись, я дома и никуда не собираюсь.

Я несколько раз кивнула, прежде чем вспомнила, что она меня не видит.

– Я услышала. Сейчас соберусь и напишу.

* * *

Из шкафа я достала небольшую дорожную сумку. Обычно с ней мы ездили на два-три дня: я складывала свои вещи в одно отделение, Пашины – в другое, а потом он всё равно спрашивал у меня, где его футболка.

Я положила внутрь бельё, джинсы, мягкую рубашку для сна. Долго выбирала рабочую блузку, как будто от этого сей-

час что-то зависело. Одну вернула на вешалку, другую смяла, развернула и вдруг не смогла вспомнить, какая встреча у меня завтра первой.

Телефон был тут же, но открыть расписание оказалось трудно. Я посмотрела на экран и забыла, зачем взяла его.

В дверях появился Павел.

– Я не хочу, чтобы ты уезжала с ощущением, будто тебя отсюда выгнали. Это твой дом, и никто не требует, чтобы ты куда-то уходила.

Я продолжила складывать блузку.

– Мама предложила мне пожить у Жанны. Ты ничего не сказал.

– Потому что мы все находились в состоянии, в котором лучше не цепляться к каждой формулировке. Лариса пыталась найти какое-то решение, пусть и не самое удачное.

Я выпрямилась и посмотрела на него.

– Я не собираюсь съезжать насовсем. Мне сейчас нужно несколько ночей поспать там, где вас обоих нет. Дальше я пока не знаю, что будет.

Павел провёл ладонью по затылку.

– Хорошо, я понимаю, что тебе необходимо побыть отдельно. Только давай не будем обсуждать случившееся со всеми знакомыми, пока сами не разобрались. Потом многое придётся объяснять, и это только усложнит…

– Жанне я расскажу, – перебила я. – Я не смогу прийти к ней с сумкой и объяснить, что просто захотелось перено-

чевать. И придумывать ничего не буду, Паш, у меня сейчас на это сил нет.

Он посмотрел на открытую сумку.

– Я и не предлагаю тебе придумывать. Просто прошу не принимать решений из желания сделать больнее.

Я села на край стула, на котором лежала его рубашка.

– Ты правда сейчас думаешь, что я собираю бельё, чтобы тебе больнее сделать?

Он ничего не ответил сразу. Я увидела, как напряглись мышцы у него возле рта, и привычно приготовилась услышать объяснение, почему снова не так его поняла.

Но он только сказал:

– Я неудачно выразился. Собирайся спокойно, я выйду.

После того как дверь закрылась, я всё-таки заплакала. Тихо, стараясь не всхлипывать, потому что не хотела, чтобы кто-нибудь вернулся.

Взяла паспорт, медицинский полис и папку со своими документами. Не разбирала её, просто сунула на дно сумки. Мне не хотелось потом звонить и спрашивать, можно ли приехать что-то забрать.

Ноутбук едва поместился сбоку. Я добавила зарядку, зубную щётку, крем для лица и посмотрела на заполненную сумку. В ней оказалось так мало вещей, что это почему-то испугало сильнее всего.

Я прожила здесь много лет, а на ближайшие несколько дней мне хватало того, что можно было унести одной рукой.

В прихожей мама ждала возле двери своей комнаты.

– Мариш, ты хоть куртку надень. Вечером холодно, а ты в одной рубашке… – Она протянула мне куртку с вешалки и не сразу отпустила рукав. – Ты ведь завтра позвонишь? Не пропадай, пожалуйста, я буду переживать.

– Я не пропадаю, мам. На работе буду, телефон у меня с собой. Только я не знаю, смогу ли завтра с тобой разговаривать.

У неё задрожали губы.

– Не надо так говорить. Я же всё равно твоя мама, что бы ни случилось.

Я взялась за рукав, который она продолжала держать.

– Я помню. Поэтому мне сейчас так плохо, что я не могу здесь остаться. Отпусти, пожалуйста, у меня такси приехало.

Она разжала пальцы.

Павел вышел из гостиной и посмотрел на мою сумку.

– Давай хотя бы до машины помогу донести. Здесь ноутбук, она тяжёлая.

– Я сама справлюсь. Не провожай меня, пожалуйста.

Он остался в прихожей. Когда я вышла, мама что-то сказала ему совсем тихо, и я закрыла дверь, чтобы не расслышать.

* * *

В такси водитель спросил, не мешает ли мне музыка.

Я ответила, что всё нормально, и отвернулась к окну. По стеклу скользили отсветы вывесок, люди переходили доро-

гу с пакетами, кто-то смеялся возле остановки. На светофоре рядом с нами остановилась машина, и женщина на пассажирском сиденье протянула мужчине бутылку воды.

Я смотрела на её руку, пока не загорелся зелёный.

Жанне написала, что подъезжаю, и попросила не выходить: сумка была не такой уж тяжёлой. Она всё равно ждала возле подъезда в домашних брюках и куртке, надетой поверх футболки.

– Ну иди сюда, – сказала она, забирая у меня сумку. – Ох, Марин… Давай сначала поднимемся, тут холодно.

Я хотела объяснить, что могу нести сама, но Жанна уже открывала дверь.

У неё в прихожей стояла сушилка с бельём. На стуле лежали стопкой полотенца, на полу возле стены – коробка с новой лампой, которую Жанна всё собиралась распаковать. Обычный дом, где никто не готовился к моему приезду.

От этого стало немного легче.

– Я тебе на диване постелю. Только там подушка дурацкая, я свою дам, а сама на этой как-нибудь… – Жанна остановилась, глядя на меня. – Марин, что случилось? Ты меня пугаешь.

Я сняла куртку и сложила её пополам. Зачем-то стала выравнивать рукава.

– У Паши роман. Я сегодня на дачу приехала, а они там были.

Жанна медленно выдохнула.

– Господи… Ты поэтому домой так поздно добралась? Вы там разговаривали?

– С мамой, Жанн. У него с моей мамой роман.

Она перестала расстёгивать куртку.

– С Ларисой Викторовной? – переспросила она и тут же зажмурилась. – Прости, я просто… Ты увидела их вместе?

– Он её целовал. На веранде, за нашим столом. Она ему говорила, что в следующий четверг нужно пораньше приехать.

Пока я произносила это, голос звучал почти ровно. Только куртка всё никак не хотела складываться, один рукав вылезал из-под другого.

Жанна осторожно забрала её у меня.

– Пойдём на кухню. Садись, я сейчас воды дам.

– Я не знаю, как мне теперь… – начала я и не смогла договорить.

Жанна обняла меня, положив ладонь мне на затылок, и я расплакалась так, что сама испугалась своего голоса. Не могла нормально вдохнуть, хватала воздух ртом, пыталась что-то сказать, но получалось только всхлипывать.

– Ну поплачь, поплачь, – шептала она, гладя меня по спине. – Не надо сейчас ничего объяснять. Я поняла, Марин, я всё услышала.

Я вцепилась в её футболку. Мне было стыдно, что я так плачу, что размазываю по её плечу слёзы, что пришла и разрушила ей вечер. Но отодвинуться я не могла.

Когда немного успокоилась, Жанна усадила меня за стол, намочила маленькое полотенце и положила рядом.

– У меня суп есть. Давай хоть немного погрею, ты ведь опять толком не ела?

– Я дома пыталась. Не получилось, всё как будто во рту застревает.

– Тогда чай сделаю. Ты пока посиди, никуда вставать не надо.

Она поставила чайник и села напротив. Не торопила меня вопросами, только подвинула ближе коробку с салфетками.

Я рассказала ей про утро, про отменённую встречу и мамин браслет. Про то, как стояла у окна, про два месяца, про воду, которую пошла наливать. Когда дошла до слов о последнем шансе, снова заплакала.

Жанна слушала, сцепив руки на столе.

– И после этого она предложила тебе уйти из собственной квартиры? – спросила она наконец. – Марин, я даже не знаю, что сказать. Я бы на твоём месте тоже не смогла с ними остаться.

– Она, наверное, не так это имела в виду. Мама сегодня совсем… У неё ведь после развода всё тяжело было. Ты помнишь, я тебе рассказывала, она даже в магазин одна боялась ходить, ей казалось, что все на неё смотрят.

Жанна потянулась ко мне через стол и накрыла мою руку ладонью.

– Я помню. И помню, как до её переезда к вам ты ездила

к ней ночью, а утром сидела на работе и засыпала над чертежами. Ты очень старалась ей помочь. Но я сейчас не понимаю, при чём здесь её развод.

Я опустила глаза.

– Не знаю. Она всё время про это говорила, и я тоже… Мне кажется, если бы ей не было так плохо, она бы никогда…

Я остановилась. Жанна не стала заканчивать за меня.

Чайник выключился, и мы обе вздрогнули. Она поднялась, достала чашки, одну поставила передо мной и потянулась за хлебом.

– Я сделаю тебе бутерброд. Будешь понемногу есть, когда захочешь, а не захочешь – оставишь. И давай сегодня хотя бы не решать, что ты ещё должна была для них сделать.

Я кивнула, вытирая лицо мокрым полотенцем.

От её слов не стало легче сразу. Я всё равно думала, что в последние месяцы много работала, почти не оставалась с Пашей наедине, раздражалась, когда мама в очередной раз спрашивала, идёт ли ей новая вещь.

Я перебирала это с каким-то упрямством, будто могла найти один вечер, в котором всё ещё можно было изменить.

– Я тебя на пару ночей стесню, а потом что-нибудь придумаю, – сказала я. – У меня деньги есть, я могу снять…

– Давай сначала эту ночь проживём. Завтра посмотрим, что тебе нужно, послезавтра ещё раз подумаем. Сумка у меня в прихожей никому не мешает, диван свободный, так что

сегодня с жильём мы разобрались.

Я отломила кусочек хлеба, подержала в пальцах и положила обратно.

– Мне завтра на работу нужно. Я не помню, кто у меня первым записан.

– Я утром посмотрю. Первый час побуду без тебя, ничего не случится. Только не начинай сейчас спорить, пожалуйста, у нас не пожар.

Я попыталась улыбнуться, но губы снова задрожали.

Телефон завибрировал на столе.

Мама написала: «Ты добралась? Очень прошу, ответь. Я переживаю».

Я набрала: «Я у Жанны», – и отправила, не добавляя ничего больше.

Через несколько минут раздался звонок.

На экране высветилась тётя Нина.

Я взяла телефон так быстро, что едва не смахнула чашку. Тётя Нина знала маму всю жизнь. Могла говорить с ней резко, сердиться, даже прекращать разговор, если та начинала жаловаться по третьему кругу. Может быть, хоть она объяснит ей, что сейчас происходит.

– Тётя Нин, здравствуй… – начала я и сразу всхлипнула. – Ты уже знаешь, да? Мне так…

– Знаю, Мариш, Лариса позвонила, – сказала она мягко. – Ты только сейчас не принимай никаких решений и не говори того, о чём потом пожалеешь. Я понимаю, ты обижена, это

всё очень тяжело… Но ты ведь знаешь, сколько она пережила. Маму-то можно понять.

Я сидела с мокрым полотенцем на коленях и слушала, как тётя объясняет, почему мне не стоит судить её сестру слишком строго. Жанна смотрела на меня через стол, а я всё никак не могла вставить те несколько слов, ради которых взяла трубку.

Глава 4. Маму-то можно понять

– Тётя Нин, подожди… Ты понимаешь, что мама тебе рассказала? – Я прижала телефон крепче, хотя слышала её прекрасно. – Она с моим мужем спит. Не с каким-нибудь женатым мужчиной, которого я в глаза не видела, а с Пашей. Я сегодня их вместе застала.

– Да знаю я, Мариш. Думаешь, она мне про кого-то другого говорила? Всё я поняла, не надо повторять. Но ты сейчас плачешь, я половину слов не разбираю. Давай завтра ко мне приедешь, посидим спокойно.

Жанна подлила горячей воды в мою нетронутую чашку и подвинула её ко мне.

– Мама там будет? Я с ней пока не могу, тётя Нин. Пожалуйста, не надо нас мирить, я ещё даже не…

– Ларисы не будет. Я тебя приглашаю, не её. После работы приезжай, я ужин приготовлю. Не будешь же ты всё время у подруги сидеть и в себе это держать.

Мне хотелось верить, что она просто неудачно начала разговор. Тётя Нина могла по телефону отчитать человека за легкомыслие, а через час привезти ему лекарства и остаться ночевать, чтобы не был один.

– Я приеду, – сказала я. – Часам к семи, наверное. Только ты меня послушай, ладно? Мне очень нужно, чтобы ты сначала меня послушала.

– Конечно, Мариш. Ну всё, умойся и ложись. Завтра поговорим, не будем сейчас друг друга расстраивать.

Я рассказала Жанне, куда меня пригласили, и добавила:

– Она сейчас маму услышала, а меня нет. По телефону ведь не объяснишь всё нормально.

Жанна посмотрела на мокрое полотенце у меня на коленях, но спорить не стала.

– Съезди. Только договоримся: после встречи возвращаешься сюда. Не надо вечером искать квартиру и решать, где тебе переночевать. Ключи я утром дам.

* * *

Утром я не сразу поняла, почему телевизор оказался прямо передо мной: дома он висел на другой стене. Потом увидела свои джинсы на Жаннином стуле и вспомнила.

Жанна уже ушла, оставив на кухне ключи с зелёным пластиковым брелоком. Собираясь, я долго не могла найти второй носок. Он обнаружился под диваном, за коробкой с проводами. Пришлось опуститься на колени и вытаскивать его, стараясь не задеть стоявшую рядом коробку с лампой.

Оказавшись на полу в чужой квартире, я снова заплакала. Вчера мне казалось, что утром будет хотя бы немного проще. Но я всё так же не знала, как вернуться домой и что ответить маме, если она опять позвонит.

В студию приехала на сорок минут позже обычного. Жанна встретила меня у кофемашины.

– Первая встреча у тебя в одиннадцать, я подтвердила. До

этого можем вместе проект посмотреть. Там только по ручкам нужно определиться, остальное вы согласовали.

Я справилась и с ручками, и с заказчиком, который решил поменять высоту стола. Иногда замечала, что уже минут десять думаю только о работе, и от этого становилось легче.

Перед обедом пришло сообщение от мамы: «Ты сегодня домой вернёшься? Нам надо понимать, как быть».

Я прочитала его несколько раз и ответила, что останусь у Жанны. Потом положила телефон экраном вниз и попросила клиентку повторить вопрос.

К тёте я ехала с ощущением, что должна правильно объяснить случившееся. Несколько раз мысленно произнесла первую фразу, но каждая казалась либо слишком жалобной, либо злой.

У её подъезда я постояла, поправляя воротник. Глупо было готовиться к разговору с родной тётей как к встрече с недовольным заказчиком, но иначе не получалось.

* * *

Нина открыла дверь с кухонным полотенцем на плече.

– Ну проходи, чего ты на пороге стоишь. Ох, Мариш, на кого ты похожа… Ты хоть спала сегодня?

Она обняла меня, крепко прижав к себе, и я на несколько секунд уткнулась лицом ей в шею. От неё пахло кремом и жареным луком. Я помнила этот запах с детства: тётя всегда готовила к моему приезду, даже когда я забегала ненадолго.

– Немного спала. Просыпалась всё время, потом опять…

В общем, не очень.

– Ну ничего, сейчас поешь. Я тебе котлет сделала, ты мои любишь. Вить, Марина приехала!

Из большой комнаты вышел дядя Витя. Он неловко тронул меня за плечо.

– Здравствуй, Мариш. Проходи к столу, у нас уже всё готово.

Они с Пашей много лет общались, вместе ездили на рыбалку. Мне вдруг стало стыдно стоять перед дядей с красными глазами.

На кухне было тесно и тепло. Рядом с плитой стояли тарелка с огурцами, корзинка с хлебом и миска салата под стеклянной крышкой. Тётя подложила мне котлету, хотя одна уже лежала на тарелке, и села напротив.

– Ты ешь, а я послушаю. Только не торопись, никто тебя не гонит.

Я начала с дачи. Рассказала, как увидела машину, как услышала маму, как вошла на веранду. Старалась говорить без подробностей, от которых снова перехватывало горло, но на словах про два месяца пришлось остановиться.

Тётя протянула салфетку.

– Ну да, конечно, тебя как обухом… Ты ведь ничего не замечала?

– Не замечала. Я радовалась, что мама перестала плакать. Мне казалось, у неё всё понемногу налаживается, и Паша ей помогает. Я ему за это благодарна была, понимаешь?

– Павел, конечно, хорош, – сказал дядя Витя. – Не мальчишка ведь, должен был соображать, во что ввязывается. Я от него такого не ожидал.

Я посмотрела на него с такой благодарностью, что самой стало неловко.

– Я тоже не ожидала. Ни от него, ни от мамы. Но она мне ещё говорит, что я встречу другого. Как будто я собираюсь на свидания, а он мне просто мешает!

– Она это со страху сказала, – быстро ответила тётя. – Пойми, ты вошла, они растерялись. В такой момент люди чего только не наговорят.

– Она и потом это говорила. Не один раз вырвалось, тётя Нин. Она объясняла, почему ей Паша нужнее, чем мне.

– Лариса сейчас сама за себя боится. После её развода ты должна понимать, в каком она состоянии.

Я положила вилку рядом с тарелкой.

– А я в каком состоянии? Ты меня видишь вообще? Я вчера домой приехала и не знала, где сесть, чтобы на их вещи не смотреть.

– Вижу, Мариш, вижу. Поэтому и позвала. Но когда у человека беда, нельзя только об одном дне судить. У твоей матери до этого много чего было, и хорошего она тебе тоже немало сделала.

Она подвинула ко мне блюдо с огурцами, но я покачала головой.

– Я знаю, что мама для меня делала. Я не говорю, что она

всю жизнь была плохой матерью!

Тётя вздохнула. Дядя Витя отнёс тарелку в раковину, но уходить не стал.

– Тебя никто в этом и не обвиняет. Просто ты у нас самостоятельная, с работой, с профессией. Ты справишься. А Лариса после развода вообще не понимала, зачем утром вставать. Ты же сама мне рассказывала.

– Значит, раз я работаю, мне легче будет, если мой муж с моей мамой живёт? Я не понимаю, какая тут связь!

– Не передёргивай, пожалуйста. Я говорю, что тебе есть на что опереться. У неё сейчас всё вокруг Паши, она за него держится. Я ей ещё тогда сказала, что так нельзя, что надо как-то определяться, а не ждать, пока всё само разрешится.

Дядя Витя открыл кран, и вода шумно ударила по тарелке.

– Когда ты ей сказала?

Тётя опустила глаза и взялась за край скатерти, отряхивая невидимую крошку.

– Мариш, не надо сейчас искать виноватых среди всех подряд. Я не могла за неё решать, как ей поступать.

– Я спрашиваю, когда. Ты вчера узнала или раньше?

Она помолчала, потом поправила полотенце на спинке стула.

– Недели три назад она мне рассказала. Приехала вся в слезах, я сначала тоже… Ну что ты на меня так смотришь? Я ей сказала, что не одобряю. Очень жёстко сказала, мы даже поссорились.

Дядя Витя закрыл воду и обернулся.

– Нин, ты мне вчера об этом не говорила. Я думал, ты сама только узнала.

– А зачем мне тебе было пересказывать всё по дням? Ты бы что сделал? Паше позвонил, устроил разговор? Ещё этого не хватало.

Я смотрела на тётю и вспоминала её сообщения. За эти три недели она присылала мне рецепт пирога, спрашивала, где мы покупали маме брюки, просила узнать стоимость новой столешницы. Я отвечала, искала ссылки, отправляла фотографии образцов.

– Ты со мной всё это время разговаривала. Про маму спрашивала, хотя знала, что она… А я тебе отвечала, что ей лучше.

– Ей действительно было лучше, Марин. Я же не могла этого не замечать.

– Господи, тётя Нина! Да при чём здесь это? Ты знала, что меня обманывают, и молчала!

Она вздрогнула от моего голоса и выпрямилась.

– Я не хотела лезть в вашу семью. Такие вещи супруги должны решать между собой, а не через родственников. Вдруг они бы прекратили? Я тебе рассказала бы, ты бы уже никогда этого не забыла, а всё могло закончиться без…

– Без меня? Вы бы все знали, а я продолжала бы им ужины готовить?

– Не «вы все», а я. Витя вот только вчера услышал. И не

надо говорить так, будто мы собирались за твоей спиной и радовались. Я тоже ночами не спала, думала, что делать.

Дядя Витя опёрся на столешницу.

– Нина, сказать, конечно, надо было. Такое скрывать… Ну неправильно это. Но ты, Мариш, на тётю всё не переноси. Она между вами оказалась, ей тоже непросто.

– Я не прошу её быть между нами. Я хотела, чтобы мне кто-нибудь сказал правду.

Я потянулась за салфеткой, но пальцы не слушались. Из пачки выдернулось сразу несколько, одна упала под стол. Тётя нагнулась, подобрала и положила возле своей тарелки.

– Лариса моя сестра, – сказала она тихо. – Я её знаю дольше, чем ты. Помню, какая она была, когда тебя родила. Девятнадцать лет, девчонка совсем. Подруги бегали на танцы, а она с тобой ночами сидела. Потом работа, садик, ты болеешь… Ей ведь тоже хотелось пожить, не только всё время о ком-то заботиться.

– Я маленькая была, тётя Нин. Я же не могла сама себя растить.

– Никто и не говорит, что могла. Но теперь ты взрослая и должна понимать, чего ей это стоило.

– Я понимаю! – Я прижала салфетку к глазам. – Я к себе её забрала, когда ей жить не хотелось. Я слушала, помогала, пыталась её куда-нибудь вытащить. Мне не жалко было ни денег, ни времени. Но я не знала, что этого мало и ещё нужно…

Я не договорила. Подбородок дрожал так сильно, что было больно сводить зубы.

Тётя протянула руку, накрыла мою ладонь.

– Ну кто тебе говорит, что мало? Ты хорошая дочь, Мариш. Просто бывают ситуации, в которых всем больно. Тут кто-то должен оказаться мудрее.

Я осторожно вытащила руку.

– А почему это опять я? Почему маме нельзя было оказаться мудрее, когда она в первый раз с ним поехала?

Тётя отвела глаза.

– Сейчас уже ничего не вернёшь. Я хочу понять, как вам дальше жить. Ларису ты ведь не вычеркнешь, она тебе мать. Неужели будешь смотреть, как она мучается?

– А ты забери её к себе, – сказала я. – Хотя бы на какое-то время. Ты ей сестра, вы друг друга понимаете. Она у вас поживёт, а мы с Пашей… Я не знаю ещё, что у нас будет. Мне нужно хоть поговорить с ним без неё.

Тётя убрала руку со стола.

– Марина, ну ты тоже подумай, прежде чем такое предлагать. Куда я её заберу?

– К вам. У вас маленькая комната свободная, я там раньше спала, когда оставалась.

– Она не свободная. Там сейчас Витин стол, компьютер, мои выкройки. И диван этот разложишь – до шкафа не добраться.

– Я могу помочь переставить. Я не навсегда прошу, тётя

Нин. Вы же говорите, маме плохо, ей нужно, чтобы рядом кто-то был.

Дядя Витя, стоявший теперь у окна, повернулся к нам.

– Это надо обдумать, Мариш. Нельзя с ходу так решать за людей. У нас тоже свой уклад, я иногда ночью не сплю, потом днём ложусь. Ларисе здесь самой будет неудобно.

– А у нас ей было удобно? Я у Паши спросила, прежде чем её привезти. Мы тогда оба согласились.

– Вот именно, вы согласились, – подхватила тётя. – И четыре месяца жили нормально. А я не могу ставить мужа перед фактом. Прости, но я свой дом тоже должна учитывать.

Я посмотрела на неё. Она сидела прямо, с поджатыми губами, и ждала, когда я пойму, что предложила неуместное.

– Конечно, тебе неудобно! – У меня сорвался голос. – Ты свой дом учитываешь, а мой кому нужен? Мама со мной жить хочет, с Пашей спать хочет, а я должна подвинуться, потому что у вас до шкафа не пройти!

– Марина, не надо так выражаться, – сказал дядя Витя. – Мы с тобой нормально разговариваем.

– А как мне выражаться? Что у них сложные отношения? У них всё очень удобно получилось! Вы все маму жалеете, лишь бы она у меня оставалась. А до меня вам просто дела нет!

Тётя побледнела и опустила взгляд на мои почти нетронутые котлеты.

– Ну спасибо. Я тебя позвала, весь вечер с тобой сижу, а

ты мне рассказываешь, что мне до тебя дела нет. Вить, ты иди в комнату, пожалуйста. Хватит уже этого разговора.

Он вышел, и вскоре за стеной негромко заговорил телевизор.

Мне стало стыдно. Тётя действительно готовила ужин, ждала меня, обняла в прихожей. Я помнила, как она приезжала ко мне с кастрюлей супа, когда я лежала с температурой, как одалживала мне деньги на первые хорошие очки.

Но за этим же столом она сейчас объясняла, почему я должна снова позаботиться о маме.

– Я не должна была говорить, что вам совсем до меня дела нет, – сказала я, глядя в тарелку. – Я знаю, ты мне помогала. Просто я не могу понять… Ты говоришь, нельзя решать за дядю Витю, кто будет в его доме жить. А за меня почему можно?

Тётя устало потёрла лоб.

– Никто за тебя не решает. Я пытаюсь с тобой поговорить, а ты слышишь только то, что тебя обижает.

Я вытерла лицо и встала, стараясь не зацепить ножкой стула край коврика.

– Я поеду. Мне завтра работать, надо ещё проект посмотреть.

Это было неправдой: завтра у меня не было встреч. Но я не знала, как иначе закончить разговор, в котором никак не могла объяснить самого простого.

Тётя тоже встала.

– Подожди, я тебе еды положу. Ты ведь почти ничего не съела. И Жанне передай, пусть не думает, что мы тебя тут бросили.

Я хотела отказаться, но она уже доставала контейнер. Стояла у плиты спиной ко мне, перекладывала котлеты, добавляла картошку, а я всё ещё ждала, что она обернётся и скажет что-нибудь другое.

В прихожей я долго не могла попасть рукой в рукав. Тётя помогла расправить подкладку, подала пакет с едой и придержала за локоть.

– Мариш, ты только про дачу всё-таки подумай. Не отказывайся сразу лишь потому, что сердишься: тебе самой от этого легче не станет.

Я перестала застёгивать куртку.

– Про какую дачу? В каком смысле подумать?

Она удивилась.

– Паша разве с тобой не говорил? Он сегодня звонил, сказал, что надо спокойно разъехаться, чтобы не мучить друг друга. Ларисе за городом было бы хорошо, там воздух, тишина. Она и сейчас туда очень любит ездить.

Тёплый пакет грел мне ладонь через тонкий пластик.

– Это моя дача, тётя Нин. Мне бабушка её оставила.

– Я знаю, чья она. Поэтому тебе и говорю. Паша считает, было бы разумно оставить дачу маме, оформить на неё, чтобы у неё появился свой дом. А с квартирой вы потом разберётесь, там всё не сразу. Мариш, ну не может же она вечно

по чужим углам жить.

Я смотрела на тётю и никак не могла найти в её лице сомнения. Она ждала ответа, всё ещё придерживая меня за локоть. Вчера Павел просил не торопиться с решениями, а сегодня уже успел обсудить с ней, кому будет удобнее жить в доме моей бабушки. Меня он пока ни о чём не спросил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.